

DOI: 10.31857/S032150750010857-4

БОРЬБА С КОРОНАВИРУСОМ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

© 2020 А. ВОРОНЦОВ

ВОРОНЦОВ Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН (vorontsovav@mail.ru)

Резюме. Цель статьи - попытаться адекватно понять наиболее действенные пути, способствовавшие народу Кореи быстрого окончания COVID-19 в первой половине 2020 г.

Наряду с грамотными действиями властей обоих корейских государств, высокими достижениями медицины Южной Кореи, в большой мере спасли корейцев от этой пандемии глубоко усвоенные коды конфуцианского самосознания. Это философско-этическое учение выверенным веками опытом выживания приучило корейцев к тому, что выжить они способны только на основе осознанного коллективистского взаимодействия.

Ключевые слова: Корейский полуостров, конфуцианство, доверие между властями и обществом, солидарность внутри общества, COVID-19

THE KOREAN PENINSULA FIGHT AGAINST CORONAVIRUS

Aleksandr V. VORONTSOV, PhD (History), Head, Department for Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (vorontsovav@mail.ru)

Abstract. The purpose of the article is to try to demonstrate the most effective ways to help the people of the Korean Peninsula quickly stop COVID-19 in the first half of 2020. To put it as simply and briefly as possible, in our opinion, the Koreans were saved from this terrible pandemic by the long-ago and deeply assimilated roots of Confucian self-consciousness. This philosophical and ethical teaching is not so much a pressure from above, but rather the accumulated verified experience of the survival of a fairly small Korean nation on a small territory, with a critical minimum of cultivated land, surrounded by powerful and not always peaceful neighbors, etc.

We are talking about the DPRK and the Republic of Korea (ROK), for which the world has recognized success in the fight against COVID-19. Although the practical steps, the manner of communication with the population (domestic and foreign ones), and the response tools used in the fight against a little-known disease in the first half of 2020 often outwardly contrasted so much that a number of experts in the world now claim with full confidence that Pyongyang and Seoul have demonstrated to the world community two alternative, almost incompatible approaches to solving the same complex problem.

Our task is to show the inaccuracy and even deceptiveness of such a superficial impression. To prove not only the existence, but also the continuing effectiveness of the root factors, of the Confucian identity of the Korean nation, which are again manifested today, of course, in very different forms.

In the phenomenon under consideration, we again find an obvious example of the unity of opposites. To put it as simply and concisely as possible, it should be emphasized that in the diverse set of domestic and international factors for all merits modern medicine of that emerged during the crisis, an invaluable role in saving Koreans in 2020 from the threat of COVID-19 was played by the long-established roots of Confucian self-consciousness, psychological codes of this ethical teaching.

Keywords: The Korean peninsula, Confucianism, collective solidarity, government-society trust, COVID-19

Естественно повышенное внимание международного научного сотрудничества на осмыслении явления COVID-19 в регионе, принявшим первым удар данного массового бедствия, более или менее успешно справившимся с ним: в Китае и двух соседних корейских государствах.

В нашей статье речь идет о Корейском полуострове. И в контексте многочисленных причин, сыгравших свою позитивную роль, мы стремимся к тому, чтобы экспертное сообщество «не просмотрело бы» в этом феномене роль конфуцианского фактора, пустившего, возможно, именно в Корею наиболее глубокие корни.

Уже в XVII в. ряд соседних народов называли Корею последним настоящим конфуцианским государством, взявшим на себя «миссию сохранения незамутненного конфуцианства». В этой связи один из наиболее авторитетных российских корееведов отмечает: «Воцарение маньчжурской

«династии» Цин в Китае окончательно закрепило в сознании корейцев идею о том, что отныне только Корея является носителем истинной конфуцианской культуры» [1].

Поэтому автора этих строк совершенно не удивило утверждение крупнейшего сингапурского дипломата Бихалари Косикан, бывшего послом своего государства и в ООН, и в России, которое он сделал 7 мая с.г. в ходе 6-й сессии Евразийского онлайн-семинара, организованной ВШЭ в Москве, уверенно назвав на сегодняшний день самым конфуцианским государством именно «Южную Корею».

Север и Юг Кореи внешне действовали в экстремальной ситуации очень по-разному. То, что сделала Северная Корея в этих условиях, также хорошо известно. Её практика часто подвергалась в мире критике за сверхжесткость, чрезмерную избыточность санитарно-карантинных мероприятий,

безжалостность строгих изоляционных мер, закрывших КНДР не только от всего внешнего мира, но и в значительной мере и внутри самой себя.

Но давайте попробуем честно ответить на простой вопрос: как ни пытаться называть данные действия Пхеньяна какими-либо сверхдиктаторскими, беспредельно бесчеловечными формами и т.д., эти шаги никогда не сработали бы столь эффективно, если бы население в основной своей массе искренне их не поддерживало бы.

Потому что почти все северокорейцы понимали - это единственный эффективный путь к спасению. И выработано это понимание было не массовой пропагандой Пхеньяна (которая, конечно, тоже имела место), а укоренившимся столетиями инстинктом выживания, воспитанным конфуцианской традицией.

НЕДОСЯГАЕМАЯ ПРЕГРАДА НА ПУТИ КОРОНАВИРУСА НА СЕВЕРЕ КОРЕИ

Первый ошеломляющий факт в рассматриваемой истории. В КНДР, которая имеет около 1400 км сухопутной, а также весьма протяженную морскую границу с КНР с РК, вирус не проник вовсе. На сегодня - это медицинский признанный факт, несмотря на многочисленные, но ни разу не подтвержденные реальными фактами, домыслы, утверждения по типу, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда», многократно звучавшие из СМИ её многочисленных оппонентов.

Успешный, по данным на конец июня 2020 г., опыт Пхеньяна по противодействию проникновению инфекции коронавируса в страну по-своему уникален и представляет несомненный интерес.

КНДР, находясь в эпицентре эпидемии, в окружении первой и второй по срокам начала пандемии странами, сумела на сегодняшний день избежать инфицирования своего населения. Несмотря на информационные вбросы ряда СМИ, в т.ч. РК и США, о наличии скрываемых властями Северной Кореи больных, и российские дипломаты в КНДР, и серьёзные исследователи на Западе склонны доверять официальным утверждениям властей КНДР и представителей международных организаций об отсутствии фактов инфильтрации данной болезни в республику. Например, 2 апреля с.г. представители ВОЗ в КНДР подтвердили факты отрицательных результатов впервые протестированных 700 человек, а также отсутствие выявленных случаев заболевания в стране в целом [2].

Конечно, данный феномен был достигнут в результате осуществления экстраординарных мер

на территории государства. Руководство Северной Кореи объявило предотвращение распространения коронавируса вопросом «национального выживания» и быстро приняло беспрецедентно жёсткие меры, в т.ч. по герметичному закрытию своих границ, запретив все виды транспортного сообщения с внешним миром. Сами северокорейские власти называют свои действия «государственными противоэпидемическими мерами наивысшего ранга».

Пхеньян хорошо осознает масштаб угрозы и высокую уязвимость своей страны для инфекционных заболеваний в силу экономических сложностей, возникших в значительной степени в результате удушающих экономических санкций. По оценкам экспертов ВОЗ, до 43% населения (около 11 млн человек) страдают от недоедания; система общественного здравоохранения критически недофинансирована (расходы на здравоохранение являются одними из самых низких в мире - около \$1 на человека в год) [3]; существует острый дефицит лекарств, современного медицинского оборудования, диагностических средств и т.д.

Поэтому были введены «сверхспециальные карантинные меры», описанные, в т.ч., в развёрнутом интервью посла РФ в КНДР [4].

Пхеньян ввел карантин и закрыл границы с 21 января для всех иностранцев в стране, а также корейцев, которые могли быть с ними в контакте, были введены жёсткие ограничения. Подчеркнем, что это произошло в то время, когда весь мир только начинал порой неторопливо присматриваться к новому явлению. А власти КНДР в экстренном порядке уже провели его скрупулезное комплексное изучение, многочисленные совещания и приняли правительственные решения! В т.ч. продлился строгий «период медицинского наблюдения за дипломатическим персоналом» сначала до 15 февраля, а потом до 3 марта из-за «нарушений наложенных ограничений отдельными дипломатическими миссиями» в течение первоначально установленного периода карантина (каждое подобное нарушение наказывалось его 15-дневным продлением). Данные нормы требовали от иностранцев постоянно оставаться в пределах своих миссий, разрешали пользоваться только одним продовольственным магазином и медицинским учреждением в столице, куда их сопровождали специальные северокорейские представители с целью исключить промежуточные остановки их транспорта.

В соответствующем циркуляре МИД КНДР всем представителям дипкорпуса предписывалось по всем рабочим вопросам контактировать

с северокорейскими коллегами посредством специального почтового ящика, установленного перед входом в МИД, а «важные встречи проводить по телефону». Данный циркуляр запрещал также въезд в страну «любому новому персоналу» дипломатических миссий [5].

С учетом подобных «драконовских» мероприятий, реализованных в отношении дипкорпуса, нетрудно представить масштаб строгостей, которым были подвергнуты 9950 граждан КНДР, имевших практическую или теоретическую возможность контактов с иностранцами, а также вернувшихся из других стран, в большинстве своем из Китая. Карантин продолжался для всех вышеотмеченных категорий людей 30-40 дней и был частично смягчен только 3 марта. СМИ Северной Кореи сообщили 6 марта, что «из 380 иностранцев, которые были изолированы и находились под тщательным медицинским наблюдением», 221 был освобожден от подобного режима [6]. В этот период были закрыты все школы, запрещены общественные мероприятия и т.д.

Набор защитных государственных мер включал в себя также следующие шаги.

Все грузы, поступающие «через границу и порты», а также судна и другие транспортные средства, их доставляющие, помещаются на карантин, изолируются на 10 дней, а «затем передаются в соответствующие подразделения, где проходят тотальную дезинфекцию. Указанным кораблям запрещено также выбрасывать воду или загрязняющие вещества. Было опубликовано «Руководство по дезинфекции и обработке предметов, поступающих из других стран», в котором подробно описаны типы и количество дезинфицирующих средств, средства защиты и спецкостюмы для персонала, осуществляющего данные действия.

Необходимо подчеркнуть, что руководство КНДР не только ввело систему защитных мер, но и строго контролирует их неукоснительную реализацию. Этим вопросам было посвящено расширенное заседание Политбюро ЦК ТПК под председательством Ким Чен Ына 28 февраля. На заседании были подвергнуты жесткой критике «антипартийные поступки, злоупотребления особой властью, коррупция», проявленные среди руководящих кадров высшей партийной школы. В итоге были освобождены от должностей два заместителя председателя ЦК ТПК: Ли Ман Гон и Пак Тхэ Док, а партийный комитет «базы подготовки партийных кадров» был расформирован [7].

Как позже выяснилось из косвенных упоминаний в СМИ КНДР, в вину указанным представителям партийно-государственной верхушки вменялось продолжение контактов с китайскими

партнерами в экономической сфере в пограничной зоне, игнорирование требований карантина для корейских участников данных операций. Ким Чен Ын подчеркнул на совещании, что в «рамках государственной противоэпидемической системы ни в коем случае недопустимо никаких привилегированных», и дал указание «кабинету министров и центральному чрезвычайному противоэпидемическому командованию целиком блокировать всевозможные пути и щели проникновения коронавируса» [8].

Иллюстрацией действенности принятых мер могут служить материалы в СМИ Южной Кореи, передававшие «слухи о казнённых чиновниках», не прекративших контрабандные операции с Китаем, на которые до возникновения эпидемии Пхеньян смотрел сквозь пальцы, а также указания китайских властей своим жителям не приближаться к границе, чтобы не быть случайно застреленными северокорейскими пограничниками, которым отдан приказ стрелять на поражение в корейских граждан при попытках пересечения границы [9].

Для борьбы с угрозой коронавируса максимально мобилизованы СМИ КНДР, которые ежедневно представляют обновлённую информацию о мерах правительства, консультируют население о том, как избежать заражения, бичуют тех граждан и чиновников, которые недооценивают угрозу инфекции, не выполняют в полной мере предписанные требования, в частности, пренебрегают использованием защитных масок «даже в ходе совещаний и рабочих встреч».

В контексте анализа рассматриваемой проблемы необходимо выделить реакцию международного сообщества и заинтересованных государств на действия руководства КНДР. С одной стороны, ряд международных организаций: ЮНИСЕФ, ВОЗ, Красный Крест, а также НПО «Врачи без границ» - откликнулись на просьбы Пхеньяна о международной помощи и уже начали её оказывать, добившись при этом частичного освобождения КНДР от санкций для поставок гуманитарных и медицинских грузов, оборудования и т.д.

Россия и Китай в этой сфере также оказали важное содействие Северной Корее. Москва поставила 1500 наборов для тестирования на коронавирус [9].

Вместе с этим, среди оппонентов КНДР громко зазвучали голоса, что, мол, Пхеньян не справится с вызовом пандемии, что приведёт к падению самого режима. Даже одни лишь названия многих аналитических материалов на данную тему весьма красноречивы: «Коронавирус эффективнее санкций и приведёт к внутренним измене-

ниям в Северной Корее», «Справится ли Северная Корея с коронавирусом?» [10], «В борьбе против COVID-19 Северная Корея подорвёт экономическую стабильность» [11] и т.д.

Суммируя ожидания многочисленных западных экспертов, можно свести их к двум основным опциям:

1) Карантинные меры Пхеньяна его не спасут, коронавирус в конце концов все равно проникнет в Северную Корею и погубит её. Режим не справится с эпидемией, в итоге утратит легитимность в глазах народа и рухнет.

2) Драконовские меры Пхеньяна по противодействию коронавирусу, длительная самоизоляция страны от внешнего мира, прежде всего, от КНР, возможно, и предотвратят эпидемию, но резко ухудшат экономическую ситуацию, вызовут массовый голод, раскол элиты и рост недовольства её отдельных групп снижением уровня материальных благ, что всё вместе приведёт к серьёзной дестабилизации внутривнутриполитической обстановки, с которой режим Ким Чен Ына может и не справиться.

В результате, или тотально заражённая коронавирусом, или экономически коллапсирующая, политически скатывающаяся к хаосу Северная Корея превратится в глобальную угрозу для региона и мира. Такой вызов потребует от международного сообщества экстренного и массированного вмешательства, в т.ч. в русле концепций «гуманитарной интервенции - обязанности защищать» [12]. Стали вновь активно обсуждаться и планы прямого военного вмешательства, в случае возникновения подходящих условий [13].

Не удивительно, что США 26 марта вновь выступили против очередной попытки семи государств, включая Россию, внести на рассмотрение СБ ООН вопрос о смягчении санкций против КНДР. И это произошло вопреки призыву Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша к снятию санкций в условиях пандемии с КНДР, Ирана и других стран, поскольку они серьезно ограничивают потенциал указанных государств по противодействию опасной эпидемии [14].

Да, США в апреле начали предлагать и рассматривать варианты, как лучше оказать гуманитарную и медицинскую помощь Северной Корее, не препятствуют получению конкретных изъятий из санкций для деятельности ряда НПО в данной сфере и т.д. Однако при этом негативная позиция Вашингтона в отношении смягчения общего режима санкций остается железобетонной [15]. И те же НПО, предпринимающие усилия по доставке в КНДР медицинских грузов, указывают на огромные технические трудности, обуслав-

ливаемые, в частности, вторичными санкциями США.

Завершая данный обзор, хотелось бы подчеркнуть следующее. По нашему мнению, руководство КНДР лучше, чем кто-либо за рубежом, понимает серьёзную уязвимость своей страны перед лицом грозной инфекции. Это заставило его выбрать меньшее зло из двух и пойти на беспрецедентный по жесткости карантин и самоизоляцию. Пхеньян чётко представляет себе тяжёлые экономические последствия этих мер.

При этом политическое руководство считает, что оно умеет и знает как преодолевать экстремальные социально-экономические трудности, а вот в том, что ему удастся справиться с эпидемией в случае её проникновения в страну, у него уверенности, видимо, нет. Поэтому тяжёлый вынужденный выбор, сделанный КНДР в пользу экстраординарных, суровых карантинных и иных защитных мер против угрозы коронавируса, часто вызывающих за рубежом недопонимание и осуждение, представляется нам оправданным и, вероятно, единственно возможным практическим решением. Вместе с этим, необходимо признать, что реализация подобной модели действий, видимо, возможна только в специфических условиях политической системы Северной Кореи.

О БОРЬБЕ С КОРОНАВИРУСОМ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

С точки зрения хронологии распространения эпидемии COVID-19, Южная Корея стала вторым государством после Китая, приобретя указанный недуг в данной стране, и достаточно долго удерживалась на этом месте. Однако сейчас в мире об этом давно забыли. Напомним для статистики, тем не менее, наиболее тревожные моменты «вспышки» коронавируса в РК: данные на 21 марта 2020 г., когда она передвинулась на 8-ю позицию (8799 заболевших, 102 летальных случая), быстро подавленные в большой степени благодаря эффективным мерам по борьбе с пандемией, которые достаточно полно описаны в СМИ и широко изучаются профессиональным медицинским сообществом как в самой РК, так и в мире (при этом, например, 18 июня 2020 г. в стране было зафиксировано всего 18 новых случаев заболевания).

Среди причин быстрого и массового распространения болезни выделяются различные факторы.

1) Как и практически во всех странах мира - недостаточно решительное и адекватное реагирование руководства страны на раннем периоде её проникновения.

2) Главной причиной массового «завоза» инфекции называется факт, что Сеул не закрыл границу и транспортное сообщение с Китаем. Первоначально это неоднозначное решение президента РК Мун Чже Ина стало основанием резкого недовольства значительной части населения Южной Кореи неадекватными мерами правительства по борьбе с эпидемией, вылившееся в кампанию по сбору подписей за импичмент президента, собравшую более 1,3 млн подписантов. В вину ему вменялось нежелание принять жёсткие меры и готовность пожертвовать интересами страны в угоду отношениям с Китаем. РК оказала большую помощь КНР в разгар эпидемии, в т.ч. поставила 3 млн масок, в результате чего якобы возник их дефицит внутри Кореи, до сих пор не запретила въезд китайцев в свою страну. В итоге, критики Мун Чже Ина упрекали его, что он действует «как китайский, а не южнокорейский президент».

В данном контексте необходимо отметить, что с точки зрения долгосрочных интересов РК политика её президента, видимо, оправдана. Думается, что предпринятые шаги Мун Чже Ину способствовали восстановлению двусторонних отношений, подорванных решением предшествующей южнокорейской администрации разместить на своей территории американские комплексы ПРО *THAAD*, в ответ на что Пекин осуществил весьма болезненные обширные и продолжительные экономические меры санкционного характера против Южной Кореи. Во всяком случае, лидер КНР Си Цзиньпин публично выразил глубокую благодарность Мун Чже Ину за «протянутую в трудную минуту руку помощи».

После того, как эпидемию удалось взять под контроль, южнокорейские представители с обостренной гордостью стали утверждать, что они, сохранив верность принципам демократического общества, сумели это сделать без блокирования городов и других авторитарных мер, которые помогли Китаю, Северной Корее в борьбе с *COVID-19*. Однако на начальном этапе слабый контроль над ситуацией принёс негативные результаты.

В этой связи показательна история с ролью секты «Синчхончжин» («Новый мир»), в среде которой произошло самое тяжёлое коллективное заражение, почти 60% от общего числа в стране. Как и протестантская церковь в РК в целом, одна из новых религиозных организаций (основана в 1984 г., 230 тыс. верующих) отличается агрессивной прозелитистской активностью за рубежом и имеет 20000 своих последователей в КНР, Японии и странах ЮВА, в т.ч. несколько сотен

в г. Ухань, откуда и произошло проникновение болезни в корейскую часть паствы.

На 18 февраля, когда в стране уже был объявлен, но слабо исполнялся запрет на все мероприятия с численностью более 100 человек, в РК был зафиксирован всего 31 случай заболевания. Но ставший позднее печально известным «пациент № 31», 61-летняя последовательница этой религии, отказавшаяся пройти тест на коронавирус при имевшихся к тому показаниях, дважды посетила одну из крупных церквей «Синчхончжин» в третьем по величине городе Тэгу. Там, как правило, от 500 до 1000 человек в течение двухчасовой службы сидят на полу плечом к плечу. Это привело к взрыву заболевания, и через 3 дня число инфицированных увеличилось до 2337 человек [16].

3) Еще одной ошибкой в борьбе с эпидемией специалистами было определено следующее. В результате вышеотмеченной вспышки болезни главным её очагом стал г. Тэгу и провинция Кёнсан-Пукто, столицей которой он является (6241 и 1190 человек, соответственно). Столкнувшись с нехваткой медицинских ресурсов в этом районе, власти стали вывозить больных в лечебные учреждения других регионов, чем способствовали расширению географического ареала распространения эпидемии. Позднее специалисты пришли к выводу, что правильнее было бы лечить всех больных на месте, в очаге поражения, перебросив туда дополнительные медицинские силы и средства из других провинций.

Тем не менее, после этого власти страны, реализовав грамотный комплексный подход, мобилизовав крупные административные, финансовые, человеческие и научно-технические ресурсы, сумели не только взять ситуацию под контроль, но и добились впечатляющих успехов. Была организована эффективная широкая система ранней диагностики заболевания, получившая рабочее название: 3Т: тестирование-отслеживание-лечение (3T: Testing - Tracing - Treating) [17].

По уровню тестирования до второй половины марта Южная Корея занимала 1-е место в мире (15 тыс. бесплатных тестов в день); по состоянию на 25 марта было проведено около 358 тыс. тестов [18]. Массированное тестирование в Южной Корее позволило этой стране раньше других выявить важный (в т.ч. для всего международного сообщества) факт: существует значительная группа преимущественно молодого населения, представители которой переносят заболевание бессимптомно, но которая является «разносчиком» эпидемии.

В совокупности с другими мерами (в т.ч. с практиками компьютерного отслеживания перемеще-

ний всех инфицированных людей и немедленного оповещения об этом находящегося поблизости населения) Сеулу удалось добиться одного из самых низких показателей смертности от *COVID-19* - 0,9%, при среднем по миру показателе в 3,4% - и значительного снижения числа новых заболевших. Такому успеху в значительной мере способствовало широкое применение инноваций. Например, практически на все смартфоны, прежде всего заболевших, были поставлены срочно разработанные приложения, позволявшие их владельцам дважды в день быть на связи с медицинским работником [18]. Такие же приложения устанавливались на смартфоны всем пассажирам, прибывавшим в аэропорты.

Конечно, в данном случае в полной мере проявились как высокий (по ряду направлений - передовой) общий уровень медицины и состояния системы здравоохранения в Южной Корее, так и особенности конфуцианской культуры, психологии, закрепившиеся в сознании населения. Они и определяют более серьезное, чем в ряде других регионов мира, отношение к нормам дисциплинированного коллективистского поведения, что подчеркивалось многими иностранными наблюдателями [19].

Как отмечают южнокорейские специалисты, выработка эффективных мер противодействия эпидемии способствовал приобретенный ранее опыт борьбы со вспышками коронавируса *Sars* (2003 г.) и *Mers* (2015 г.). Принятый тогда закон об общественном здравоохранении наделил правительство весьма специфичными рычагами для распределения ресурсов и проведения мобилизационных мероприятий по борьбе с распространением инфекционных заболеваний. Министерство здравоохранения РК в 2015 г. было законодательно наделено нетипичными для западных демократий широкими полномочиями для сбора персональных данных в отношении как уже подтвержденных, так и потенциальных пациентов без судебного ордера в периоды эпидемий [20]. Эти правовые инструменты подтвердили свою высокую эффективность в период разворачивающегося кризиса, позволив, в частности, создать вышеотмеченную широкую инфраструктуру отслеживания распространения заболевания и передвижения его носителей.

Проявились и уроки, извлеченные из трагедии с затонувшим паромом «Севоль» в апреле 2014 г.,

в результате которой погибли 304 пассажира, в основном школьники. Возмущение населения запоздалой реакцией руководства РК, непрофессиональными действиями властей, попытками скрыть многочисленные просчеты и факты коррупции, связанные с той трагедией, стали одной из главных причин импичмента (2016 г.) и последовавшего за ним длительного тюремного заключения президента РК Пак Кын Хе. Поэтому сейчас администрацией Мун Чжэ Ина обеспечивается максимально возможная прозрачность, полное и оперативное информирование населения страны о всех деталях развития эпидемии и борьбы с ней.

Не удивительно, что на фоне реальных успехов правительства по обузданию эпидемии основной тренд общественных настроений в апреле решительно сместился в пользу президента Мун Чжэ Ина, чей рейтинг вырос выше всяких ожиданий. Уверенные успехи в борьбе с пандемией и стабильный оптимизм в обществе оказались настолько внушительными, что власти не только решились провести общенациональные парламентские выборы 15.04.2020, организовав их блестяще, но и достигли исторических рекордов как по посещаемости (65%), так и по количеству полученных мест - 300 (или 60%) - в Национальном собрании у правящей демократической партии «Тобуро» [21].

Не вызывает сомнения, что изучение причин быстрого и массового распространения *COVID-19* и положительного опыта борьбы с ним в Южной Корее крайне актуально для всех стран, столкнувшихся с этим инфекционным заболеванием, включая Россию.

* * *

Однако наш главный вывод сосредоточен в заявленной исследовательской задаче статьи. Важнейшую роль в успешном купировании *COVID-19* на данный момент и в Южной, и в Северной Корее сыграли реально существующие и в критические моменты эффективно действующие нормы конфуцианской традиции в широком смысле этого понятия. Пхеньян и Сеул, оказавшись в схожей ситуации, действовали исключительно самобытно, внешне очень по-разному и, порой, по альтернативным сценариям. Но идеологически-этическая база, на основе которой руководством этих стран принимались те или эти решения, гнездилась в конфуцианских ценностях и опыте.

Список литературы / References

1. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб, Изд-во СПбГУ, 2009, с. 243. (Kurbanov S.O. 2009. History of Korea: from ancient times till XXI century. SPb) (In Russ.)
2. Jeongmin Kim. 709 people in North Korea tested for COVID-19, no confirmed cases: WHO. April 8, 2020. <https://www.nknews.org/2020/04/709-people-in-north-korea-tested-for-covid-19-no-confirmed-cases-who/> (accessed 10.04.2020)

3. Sue Mi Terry. Can North Korea cope with the Coronavirus? *Foreign Affairs*, March 3, 2020. https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2020-03-03/can-north-korea-cope-coronavirus?utm_source=koreauupdate&utm_medium=email&utm_campaign=KoreaUpdate2020Mar&utm_term=KoreaUpdate (accessed 05.03.2020)
4. Мацерора А.И. Российские дипломаты в КНДР на карантине, но не в осаде. *TASS*. 20.02.2020. (Matsegora A.I. Russian diplomats in the DPRK in quarantine but not under siege. *TASS*. 20.02.2020) (In Russ.)
5. Oliver Hotham. Two Russian diplomats in North Korea freed after 30-day quarantine. April 9, 2020. <https://www.nknews.org/2020/04/two-russian-diplomats-in-north-korea-freed-after-30-day-quarantine/> (accessed 12.04.2020)
6. Jeongmin Kim. 500 people remain under quarantine in North Korea, state media says. April 3, 2020. <https://www.nknews.org/2020/04/500-people-left-under-quarantine-in-north-korea-state-media/> an expanded meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPC took place (accessed 05.04.2020)
7. An expanded meeting of the Political Bureau of the Central Committee of the Korea Working Party took place, Pyongyang, KCNA, 29.02.2020 (In Kor.). <https://kcnawatch.org/newstream/1582927231-971806316/%ec%a1%b0%ec%84%a0%eb%a1%9c%eb%8f%99%eb%8b%b9-%ec%a4%91%ec%95%99%ec%9c%84%ec%9b%90%ed%9a%8c-%ec%a0%95%ec%b9%98%ea%b5%ad-%ed%99%95%eb%8c%80%ed%9a%8c%ec%9d%98-%ec%a7%84%ed%96%89/> (accessed 03.03.2020)
8. Jeongmin Kim. North Korea releases an additional 1710 people from quarantine. News comes as DPRK appears increasingly confident that «super-special» measures against COVID-19 are working. March 13, 2020. <https://www.nknews.org/2020/03/north-korea-releases-an-additional-1710-people-from-quarantine-state-media/> (accessed 15.03.2020)
9. Jung H. Park. A tale of two Koreas in the age of coronavirus. April 13, 2020. https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/13/a-tale-of-two-koreas-in-the-age-of-coronavirus/?utm_campaign=Center%20for%20Northeast%20Asian%20Policy%20Studies&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=86870433 (accessed 15.04.2020)
10. Scott Snyder. North Korea's Coronavirus Quarantine: More Effective than Sanctions. February 27, 2020. https://www.forbes.com/sites/scottasnyder/2020/02/27/north-koreas-coronavirus-quarantine-more-effective-than-sanctions/?utm_source=koreauupdate&utm_medium=email&utm_campaign=KoreaUpdate2020Mar&utm_term=KoreaUpdate#6e267216ebdf (accessed 04.03.2020)
11. Jonathan R. Corrado. North Korea's coronavirus crackdown: the economic impact so far Some measures have been necessary precautions against an outbreak, but others are unnecessarily harming the market, February 25, 2020. <https://www.nknews.org/pro/north-koreas-coronavirus-crackdown-the-economic-impact-so-far/?t=1590623919410> (accessed 28.02.2020)
12. Kevin Shepard. Why the DPRK's subpar healthcare system may be its biggest threat to the region North Korean unpreparedness to deal with a pandemic could undermine regime rule and create internal instability. February 20, 2020. <http://www.nknews.org/pro/why-the-dprks-subpar-healthcare-system-may-be-its-biggest-threat-to-the-region/> (accessed 25.02.2020)
13. Daniel Sneider. Behind the secret plan for a North Korea collapse. April 24, 2020. <https://toyokeizai.net/articles/print-bt/346708> (accessed 28.04.2020)
14. Oliver Hotham. North Korea, other member states urge UN to help lift unilateral sanctions. March 26, 2020. <https://www.nknews.org/2020/03/north-korea-other-member-states-urge-un-to-help-lift-unilateral-sanctions/> (accessed 28.03.2020)
15. Annika Betancourt. How US support for North Korea's dire medical system could help build trust. April 20, 2020. https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/20/how-us-support-for-north-koreas-dire-medical-system-could-help-build-trust/?utm_campaign=Center%20for%20Northeast%20Asian%20Policy%20Studies&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=86870433 (accessed 23.04.2020)
16. Raphael Rashid. Being called a cult is one thing, Being blamed for an Epidemic is quite another. How one mysterious church became a lightning rod for South Koreans' anger over the coronavirus outbreak. March 9, 2020. <https://www.nytimes.com/2020/03/09/opinion/coronavirus-south-korea-church.html> (accessed 23.03.2020)
17. Tackling COVID-19 Health, Quarantine and Economic Measures: Korean Experience 31 March 2020. <https://ecck.eu/tackling-covid-19-health-quarantine-and-economic-measures-of-south-korea/> (accessed 03.04.2020)
18. Korea's Fights against COVID-19. http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=320048&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (accessed 05.04.2020)
19. Tackling COVID-19. Health, Quarantine and Economic Measures: Korean Experience 31 March 2020. <https://ecck.eu/tackling-covid-19-health-quarantine-and-economic-measures-of-south-korea/> (accessed 05.04.2020)
20. Brian Kim. Lessons for America: How South Korean Authorities Used Law to Fight the Coronavirus, LawFare (in cooperation with the Brookings Institution), March 16, 2020. <https://www.lawfareblog.com/lessons-america-how-south-korean-authorities-used-law-fight-coronavirus> (accessed 20.03.2020)
21. Election Guide. Democracy Assistance and election news. <https://www.electionguide.org/elections/id/3277/> (accessed 17.04.2020)